

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.5

УДК 316.454.3 | ББК 60.59

© Агишев Р.Р., Манаева И.В.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ: ДИЛЕММА ВЫБОРА МЕЖДУ ПРЕВЕНЦИЕЙ И РЕПРЕССИЕЙ

РУСЛАН РЯФАТЕВИЧ АГИШЕВ

Научный центр социально-экономического мониторинга
Саранск, Российская Федерация
e-mail: agishev2019@gmail.com
ORCID: [0000-0003-0179-8336](https://orcid.org/0000-0003-0179-8336); ResearcherID: [AA9-9391-2020](https://orcid.org/AA9-9391-2020)

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА МАНАЕВА

Научный центр социально-экономического мониторинга
Саранск, Российская Федерация
e-mail: manaeva.i.v@mail.ru
ORCID: [0000-0002-4530-9699](https://orcid.org/0000-0002-4530-9699); ResearcherID: [IAQ-5107-2023](https://orcid.org/IAQ-5107-2023)

Определение наиболее эффективного метода противодействия коррупции остается важной частью антикоррупционного дискурса. Смещение акцента с репрессивных мер на превентивные и наоборот способно кардинально изменить направление и содержание антикоррупционной политики. В исследовании поставлена цель проанализировать субъективное восприятие предпринимателями эффективности антикоррупционных мер (репрессивных и превентивных) в региональном разрезе. Научная новизна работы обусловлена значительной выборкой региональных исследований, подвергнутых анализу, что повышает объективность выводов в рамках оценки эффективности антикоррупционных мер. Проведен агрегированный анализ результатов массовых социологических исследований (2021–2022 гг.) среди предпринимательского сообщества в 12 субъектах Федерации, отобранных случайным образом из регионов с разным административно-территориальным устройством (область, республика, край и автономный округ) и уровнем экономического развития (высокий, средний и низкий уровни). Не зафиксированы существенные отличия в оценке эффективности превентивных и репрессивных мер, которые предприниматели отмечают примерно в равной степени часто. Одинаковая значимость методов, направ-

ленных на предупреждение коррупции, с одной стороны, и на борьбу с ее последствиями, с другой, прослеживается по всей выборке регионов независимо от их административно-территориального устройства и экономического положения, что говорит о формировании единого взгляда на содержание антикоррупционной политики. Наиболее популярны такие «противоположные» по содержанию методы, как ужесточение наказания за коррупционные преступления и упрощение управленческих процессов. Последнее указывает на два значимых для антикоррупционной политики органов власти моменты. Во-первых, в предпринимательской среде достаточно сильно выражен запрос на активизацию борьбы с коррупцией, что в той или иной степени свидетельствует о неудовлетворенности результатами соответствующих усилий органов власти. Во-вторых, особое внимание предпринимательского сообщества к упрощению управленческих процессов (в частности, прозрачности и дебюрократизации) полностью подтверждает высокую эффективность курса на широкое внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия органов власти и гражданина. Результаты исследования позволяют говорить о выработке комплексных механизмов противодействия коррупции, который бы включал в себя весь спектр методов – и репрессивные, и превентивные.

Коррупция, предпринимательство, противодействие коррупции, превентивные методы, репрессивные методы.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» по теме «Оценка уровня коррупции в Республике Мордовия».

Введение

Неоднозначность и противоречивость коррупции, обладающей высоким уровнем социальной мимикрии (Китова и др., 2017, с. 8) и формирующей устойчивые сетевые связи (Пустовит, 2017, с. 204), актуализируют дискуссию об эффективности методов борьбы с коррупционными явлениями. Перенос акцента в антикоррупционной политике с превенции на репрессии, с дисциплинарных на уголовные наказания и т. д. в ходе перманентного поиска единственно «верного» инструмента приводит к непоследовательности и взаимоисключающим результатам.

В связи с этим возрастает значимость научно обоснованных исследований эффективности антикоррупционных мероприятий, частью которых выступает социологическая оценка представлений граждан о широком спектре коррупционных явлений. В рамках анализа поставлена цель рассмотреть субъективное восприятие предпринимателями результативности антикоррупционных мер, что позволит расширить

представление о действенных механизмах по противодействию «деловой» коррупции. Сформулированы следующие задачи исследования: 1) дать оценку эффективности антикоррупционной политики в стране в целом и в рамках регионов с разным административно-территориальным устройством и уровнем экономического развития в частности; 2) сравнить мнение предпринимателей о результативности превентивных и репрессивных мер противодействия коррупции; 3) выявить наиболее действенные антикоррупционные мероприятия, по оценке представителей бизнеса, в группах «превентивные» и «репрессивные».

Объектом исследования выступает общественное сознание представителей бизнес-сообщества, предметом – их субъективные представления об эффективности превентивных и репрессивных мер по противодействию коррупции.

Новизна результатов исследования обусловлена следующим. Это первая попытка представить агрегированный анализ резуль-

татов широкого пула региональных исследований антикоррупционной тематики, проведенных по официально утвержденной единой методике в субъектах Федерации. Значительная выборка исследований позволяет делать выводы как об общих для всей страны тенденциях, так и о региональной специфике анализируемых процессов и явлений.

Историографический аспект

Полемика о действенности репрессии и превенции в рамках борьбы с коррупцией имеет давнюю традицию в историографии. В идеалистической парадигме античных философов Платона и Аристотеля продвигалась мысль об идеальном государственном строе с господством среди граждан и должностных лиц идеи общего блага, что, в свою очередь, должно было уничтожить любые предпосылки коррупции (Бурмакин, 2019, с. 22).

В средневековой, прежде всего католической, философской традиции семантическое поле понятия «коррупция» расширилось, выйдя за юридические рамки и наполнившись религиозным содержанием (обольщение, соблазн дьявола, греховность) (Соломеин, Соломеина, 2017, с. 126). Соответственно, меры борьбы с указанным явлением приняли характер борьбы с идеологическим противником, то есть репрессивный характер.

В период ренессанса в философское дискуссионное поле возвращается идея о превенции как об эффективном инструменте борьбы с коррупцией. Наиболее ярким выразителем указанного подхода был итальянский мыслитель Н. Макиавелли, сравнивавший коррупцию с недугом и ратовавший за борьбу с ним на самой ранней стадии (еще до того, как она начнет становиться злом) (Скинер, 2009, с. 64).

В XVII–XVIII вв. продолжает развиваться морально-дидактическая традиция осмысления коррупции, в рамках которой противодействие коррупционным проявлениям связывается с разнообразными организационно-ограничительными мерами: введение цензуры, создание контролирующих институтов, разделение полномочий должностных лиц (Соломеин, Соломеина, 2017, с. 128).

В XIX – первой половине XX века в антикоррупционном дискурсе набирает популярность функциональный подход к изучению коррупционных явлений, согласно которому коррупции присущи функциональность, адаптивность и конструктивность. В частности, С. Хантингтон указывал, что коррупция может снижать уровень насилия и способствовать адаптации к быстро меняющимся условиям; Н. Лефф отмечал, что она может вносить элемент конкуренции в самодостаточную монополистическую промышленность (Чечуров, 2010, с. 161). Соответственно, речь может идти не столько о борьбе с нею, сколько о ее ограничении и направлении в нужное русло.

Обращаясь к современному зарубежному опыту, в частности к достижениям Сингапура и Южной Кореи в указанной сфере, выделим преобладающее стремление устранить причины и условия, способствующие возникновению коррупционных преступлений. Соответственно, эффективными считаются в первую очередь профилактические мероприятия: снижение уровня государственного регулирования, повышение прозрачности процесса взаимодействия с государством, внедрение онлайн-механизмов предоставления государственных услуг и т. д. (Шунаев, 2018, с. 67). При этом нельзя не отметить, что впечатляющие успехи в борьбе с коррупцией, в частности в Сингапуре, исследователями связываются в том числе и с особой политической системой, так называемым «мягким авторитаризмом» (Mohamed Nasir, Turner, 2013).

Законодательство США определяет ряд эффективных «гибридных» антикоррупционных мер, которые отсутствуют или нормативно не регулируются в других странах. В частности, законы «О ложных утверждениях» (1863 год) и «О гражданских инициативах» (1989 год) формируют развитый институт информаторства с защитой от преследования и денежным вознаграждением за донос (Бойко, 2017, с. 21). Государственным чиновникам запрещено получать доход от услуг и деятельности, не связанной с их непосредственными служебными обязанно-

стями (Klitgaard, 1991). Заметим, что российские государственные служащие имеют право заниматься преподавательской, научной и творческой деятельностью и получать от этого дополнительный доход.

Особенностью канадского антикоррупционного законодательства выступает его направленность не на «бытовую» коррупцию, а на политическую (парламентскую) или корпоративную. Наибольшей проработанностью отличаются организационно-распорядительные меры контроля и надзора за избирательным процессом, лоббистскими действиями парламентариев, за процессом назначения чиновников на высшие государственные должности, за использование канадскими компаниями практики материального «стимулирования» официальных лиц иностранных государств (Артамонова, Демчук, 2018, с. 309) и т. д.

Заслуживает внимания опыт противодействия, в частности «деловой», коррупции в Нидерландах, где отмечается высокая эффективность такой профилактической меры, как укрепление этического климата в учреждениях и организациях частного и государственного сектора (Gorsira et al., 2018, p. 3).

При формировании российского антикоррупционного права наиболее эффективным способом противодействия коррупции был выбран не превентивный, а репрессивный способ. Последнее обусловило формирование реактивных антикоррупционных структур, определяющих реакцию на локальные импульсы и сигналы «сверху» (Александров, 2011, с. 44). Исторически длительное превалирование репрессивных инструментов в антикоррупционном арсенале российского государства в некоторой степени связано с их значительной популярностью в экспертной среде (Воронцов, Понеделков, 2020, с. 130).

В последнее десятилетие в практике работы российских органов власти выросла роль превенции коррупции, что нашло отражение, в частности, в программных по-

ложениях Национальной стратегии противодействия коррупции (целью Стратегии выступает искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе¹). Активнее продвигается тезис о том, что долгосрочный эффект более выражен у превентивных мер по сравнению с репрессивными (Аксенова, 2017, с. 187). Идея о приоритетности профилактики особенно распространена в сфере образования (акцент на прозрачности образовательного процесса, использование ИКТ-технологий, формирование атмосферы нетерпимости в отрасли) (Коваль, 2023, с. 15), здравоохранения (в частности, разработка карт коррупционных рисков учреждения здравоохранения и их устранение) (Усманова, 2023, с. 86).

Современный взгляд на коррупцию как присущее социуму многоаспектное и комбинированное негативное явление предполагает использование для противодействия ему широкого спектра разнообразных инструментов как репрессивного, так и превентивного характера. При этом акцент в дискуссии о наиболее эффективном инструменте в борьбе с коррупционными явлениями постепенно смещается в пользу превенции, а целью антикоррупционной политики объявляется выявление и устранение причин и условий распространения коррупции (Цирин, 2016, с. 107). В то же время продолжают звучать мнения отдельных правоведов о том, что наметившаяся тенденция либерализации и гуманизации уголовно-правовых норм, в частности антикоррупционного характера, невольно приводит к «ослаблению» уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности (Антонова, Луценко, 2023, с. 100).

В рамках дискуссии об эффективности антикоррупционных мероприятий в целом исследователи отмечают целый ряд негативных моментов, затрудняющих формирование единого взгляда на систему противодействия коррупции. В частности, указывается на противоречивость и непоследователь-

¹ О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.: Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 // Информационный портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12174916> (дата обращения 31.03.2023).

ность современной системы антикоррупционного мониторинга: обеспеченность системы разрозненными нормативно-правовыми актами, наличие разных методик измерения состояния коррупции и анализа имеющейся информации (Сосновская, 2023, с. 48), ориентация в оценках состояния коррупции на индексы и рейтинги зарубежных учреждений и организаций (Беляева, 2023, с. 11).

Методологические аспекты

В рамках статьи осуществлен агрегированный анализ результатов региональных социологических исследований, проведенных в 2022 году в соответствии с единой методикой. Во всех субъектах Российской Федерации предпринимателям было предложено посредством онлайн-инструментов оценить уровень «деловой» коррупции в регионе. Опрос представителей бизнес-сообщества предполагал выявление коррупционности органов власти, неформальных практик, наиболее эффективных методов борьбы с коррупцией и т. д.

В статье предлагается рассмотреть оценку эффективности антикоррупционных мер (репрессивных и превентивных) со стороны предпринимателей в региональном разрезе. Учитывая особую сензитивность указанной проблематики для бизнеса, результаты исследования будут представлять значительный интерес для формирования действенных механизмов по противодействию «деловой» коррупции.

Вниманием исследователей были охвачены 12 регионов с разным административно-территориальным устройством. Регионы отобраны случайным образом из трех групп субъектов Федерации: с высоким (Краснодарский край, Московская, Нижегородская и Волгоградская области), средним (Саратовская область, Оренбургская область, Архангельская область, Алтайский край) и низким (Республика Мордовия, Республика Удмуртия, Республика Карелия и Чукотский автономный округ) уровнями развития региональной экономики.

Предложенные предпринимателям для оценки эффективности антикоррупцион-

ные меры были объединены в две группы – репрессивные и превентивные. Первые включают мероприятия, направленные преимущественно на борьбу с последствиями коррупции (ужесточение наказаний, публичное осуждение фактов коррупции и т. д.); вторые – мероприятия, устраняющие причины и условия коррупции (повышение прозрачности административных процедур, упрощение процедуры предоставления услуг органами власти и т. д.).

Результаты

Респонденты примерно одинаково оценивают результативность превенции и репрессии как методов борьбы с коррупцией. Анализ средних значений в целом по региональной выборке и по группам регионов с высоким, средним и низким уровнем развития экономики показывает отсутствие существенных различий в оценках респондентами эффективности репрессивных и превентивных антикоррупционных мер. В частности, в группе регионов с высоким уровнем развития экономики результативность репрессивных и превентивных мер отметили 65,5 и 64,5% респондентов соответственно, в группе со средним уровнем – 66,5 и 62,2%, в группе с низким уровнем – 59,7 и 57% (табл. 1).

Примерно с равной частотой предприниматели оценивают эффективность превентивных и репрессивных мер в конкретных регионах. Например, в Волгоградской области на результативность превентивных и репрессивных мер указывали 65,5 и 68,3% соответственно, в Саратовской области – 55,4 и 47,1%, в Республике Карелии – 72,3 и 68,5%. Лишь в Московской области респонденты, оценивая эффективность антикоррупционных мер, несколько чаще выбирают репрессию (82,4%) по сравнению с превенцией (70,2%).

Следовательно, можно говорить о распространении внутри предпринимательского сообщества такого подхода к оценке эффективности антикоррупционных мер, в котором естественным образом уживаются представления о действенности двух противоположных по сути инструментов

Таблица 1. Оценка эффективности предпринимательским сообществом антикоррупционных мер*, %

Регион	Репрессивные меры	Превентивные меры
Регионы с высоким уровнем развития региональной экономики		
Московская область	82,4	70,2
Краснодарский край	76,4	76,2
Волгоградская область	65,5	68,3
Нижегородская область	37,5	43,1
В среднем по группе	65,5	64,5
Регионы со средним уровнем развития региональной экономики		
Саратовская область	55,4	47,1
Архангельская область	74,5	68,4
Оренбургская область	80,2	78,1
Алтайский край	55,9	55,6
В среднем по группе	66,5	62,2
Регионы с низким уровнем развития региональной экономики		
Республика Мордовия	66,2	60,4
Республика Карелия	72,3	68,5
Чукотский автономный округ	63,1	58,2
Республика Удмуртия	37,1	40,9
В среднем по группе	59,7	57,0
В среднем по выборке	63,9	61,3

* При ответе на вопрос «Оцените эффективность следующих мер по противодействию коррупции» респонденты могли выбрать следующие альтернативы: «эффективны», «скорее эффективны», «скорее неэффективны», «неэффективны», «затрудняюсь ответить».

Составлено по: доклады и аналитические записки о результатах социологических исследований, размещенные на официальных сайтах высших региональных исполнительных органов власти.

(репрессии и превенции). Заметим, что ранее российские социологические компании фиксировали распространение в общественном сознании иного мнения. В частности, по данным ВЦИОМ, в 2008 году почти две трети россиян (62%) считали, что пропаганда и повышение правосознания менее эффективны в борьбе с коррупцией, чем ужесточение наказаний².

Отдельно остановимся на субъективном восприятии наиболее действенных антикоррупционных мер внутри выделенных нами групп – превентивного и репрессивного характера. Анализ предпочтений респондентов-предпринимателей позволит конкретизировать основное содержание репрессии и превенции в контексте борьбы с коррупцией.

Анализируя ответы респондентов по всей выборке выделенных регионов (12), можно выстроить следующую иерархию наиболее эффективных методов борьбы с коррупцией, имеющих превентивный характер:

- 1) упрощение процедуры предоставления услуг органами власти;
- 2) повышение открытости и прозрачности управленческих процессов;
- 3) информирование граждан о возможностях противодействия коррупции;
- 4) массовая пропаганда нетерпимости к коррупции;
- 5) повышение зарплат государственным и муниципальным служащим.

Регулярные мониторинговые исследования Торгово-промышленной палаты России «Бизнес-барометр коррупция», проводящи-

² Борьба с коррупцией: проблема не в законах, а в их исполнении // Аналитический обзор. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/borba-s-korrupcziej-problema-ne-v-zakonakh-a-v-ikh-ispolnenii> (дата обращения 04.07.2023).

еся с 2016 года, также выделяют особую эффективность мероприятий, направленных на повышение прозрачности и открытости органов власти – формирование прозрачной среды для работы бизнеса и ускоренная цифровизация взаимодействия власти и бизнеса⁵.

Следует отметить, что в соответствии с устоявшимся в бизнес-среде мнением о сложной коммуникации с государственными органами (бюрократизм, волокита, излишний документооборот и т. д.) (Карпова, Дозорова, 2018, с. 169) предприниматели существенно чаще выбирали методы, направленные на упрощение и повышение прозрачности управленческих процессов. Наименьшая доля опрошенных, как правило, указывала на такое мероприятие, как повышение зарплат государственным служащим. В частности, в Республике Мордовии, оценивая эффективность антикоррупционных методов, на упрощение процедуры предоставления услуг указали 74% бизнесменов, а на повышение зарплат государственным служащим – 51%; в Краснодарском крае – 68 и 46%; в Чукотском автономном округе – 94 и 4%; в Сахалинской области – 71 и 32%; в Красноярском крае – 71 и 48%.

В группе антикоррупционных методов репрессивного характера наиболее эффективными респонденты чаще считали ужесточение наказания, что в целом соответствует общей тенденции развития отечественного уголовного законодательства на усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления (Шумских, 2021, с. 89). В связи с этим заметим, что вопрос о популярности указанной меры требует особого внимания, т. к. значительная популярность такого метода, как ужесточение наказания за коррупционные преступления, может быть обусловлена не столько либеральностью санкций (их «мягкостью»), сколько «неадекватностью» применения уже существующих норм, особенно в отношении знаковых медийных персон (Воронцов, Понеделков, 2020, с. 126).

Пристальное внимание со стороны общества к ужесточению наказания некоторые исследователи связывают также с тем, что коррупция в России приобрела характер институализированного явления, постоянно воспроизводимого культурной традицией (Нестик, 2002, с. 48). На черты национальной культуры оказывают влияние распространение аномии (равнодушие населения к нарушению социальных норм, массовый цинизм) (Klitgaard, 1991) и традиции дарить подарки (Andvig, 1991, p. 59).

Реже предприниматели отмечали такие методы, как создание специального органа по борьбе с коррупцией и привлечение средств массовой информации к публичному осуждению фактов коррупции. Например, в Республике Мордовии, отвечая на вопрос о наиболее эффективных методах противодействия коррупции, об ужесточении наказания говорили 71% предпринимателей, а на создание специального органа по борьбе с коррупцией – 60%; в Алтайском крае – 64 и 41%; в Краснодарском крае – 65 и 42%; в Чукотском автономном округе – 91 и 11%; в Республике Удмуртии – 40 и 25%; в Нижегородской области – 38 и 24%; в Волгоградской области – 89 и 43%.

Выделенные моменты в очередной раз подчеркивают перманентную популярность в предпринимательской среде двух противоположных по содержанию инструментов – ужесточение наказания за коррупционные преступления и упрощение управленческих процессов.

Полученный результат, в частности высокая значимость для бизнесменов репрессивных мер борьбы с коррупцией, позволяет говорить о наличии выраженного запроса на ужесточение антикоррупционной политики и, как следствие этого, о неудовлетворенности ее общими результатами. Последний тезис в целом подтверждается распределением ответов респондентов на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, эффективны действия органов власти по противодействию коррупции?», где нужно было дать

⁵ Исследование: почти 70% бизнесменов в России в 2021 году сталкивалось с фактами коррупции // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13153371> (дата обращения 04.07.2023).

Таблица 2. Оценка эффективности предпринимательским сообществом действий органов власти по противодействию коррупции*, %

Регион	В целом эффективны	В целом не эффективны	Затрудняюсь ответить
Регионы с высоким уровнем развития региональной экономики			
Московская область	57	28	15
Краснодарский край	38	25	37
Волгоградская область	23	55	22
Нижегородская область	80	20	0
В среднем по группе	50	32	28
Регионы со средним уровнем развития региональной экономики			
Саратовская область	50	34	16
Архангельская область	49	31	20
Оренбургская область	42	25	33
Алтайский край	31	41	28
В среднем по группе	43	33	24
Регионы с низким уровнем развития региональной экономики			
Республика Мордовия	63	5	31
Республика Карелия	52	19	29
Чукотский автономный округ	32	18	50
Республика Удмуртия	40	36	24
В среднем по группе	47	20	33
В среднем по выборке	47	28	25
* При ответе на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, эффективны действия органов власти по противодействию коррупции?» респонденты могли выбрать следующие альтернативы: «эффективны», «скорее эффективны», «скорее не эффективны», «абсолютно не эффективны», «ухудшаю ситуацию», «затрудняюсь ответить».			
Составлено по: доклады и аналитические записки о результатах социологических исследований, размещенные на официальных сайтах высших региональных исполнительных органов власти.			

общую оценку результативности антикоррупционной политики региональной власти. В частности, менее половины предпринимателей (47%) в целом по выборке удовлетворены результатами борьбы с коррупцией (табл. 2). Остальные либо не удовлетворены (28%), либо затруднились с ответом (25%).

Следует заметить, что фактор региональной специфики не оказывает существенного влияния на результат. Лишь в двух регионах из выборки – Нижегородская область и Республика Мордовия – доля тех, кто указывает на эффективность антикоррупционной политики, многократно превышает долю остальных респондентов.

Заключение

Таким образом, оценивая эффективность антикоррупционных мер, предприниматели примерно в равной степени ча-

сто отмечают две противоположные по содержанию группы методов – репрессивные и превентивные. Наиболее популярны среди предпринимателей такие методы, как ужесточение наказания за коррупционные преступления и упрощение управленческих процессов, что прослеживается по всей выборке регионов независимо от их административно-территориального устройства и экономического положения. Высокая актуальность указанных мер, наиболее ярко олицетворяющих собой репрессивную и превентивную группы методов, позволяет говорить о следующих моментах. Во-первых, в предпринимательской среде присутствует запрос на активизацию (в частности усиление, ужесточение) усилий по борьбе с коррупцией, что также подтверждается значимой долей неудовлетворенных итогами антикоррупционной поли-

тики респондентов. Во-вторых, особое внимание предпринимательского сообщества к упрощению управленческих процессов (в частности прозрачности и деbüroкра-тизации) в контексте борьбы с коррупцией полностью подтверждает высокую эффективность курса на широкое внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия органов власти и гражданина. В связи с этим достижение высокой транспарентности государственного управления, то есть максимальной открытости для контроля со стороны граждан и институтов гражданского общества (Овчинников, 2019, с. 162),

становится залогом действенной борьбы с коррупцией.

Признание предпринимательским сообществом важности воздействия как на предпосылки коррупции, так и на ее последствия актуализирует такие качества антикоррупционной политики, как многовекторность и последовательность. Эффективное противодействие коррупции в сегодняшних реалиях обуславливает системность борьбы с коррупционными правонарушениями и изменение роли каждого конкретного гражданина в системе профилактики (Митина, Николаева, 2020, с. 199).

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенова А.В. (2017). Противодействие коррупции в России: репрессия или превенция // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 4. С. 187–190.
- Александров В.И. (2011). Формирование структуры противодействия коррупции в России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 39–51.
- Антонова Е.Ю., Луценко Н.С. (2023). К вопросу об эффективности антикоррупционного законодательства // Научный вестник Орловского юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова. № 1 (94). С. 96–104.
- Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. (2018). Современный опыт противодействия коррупции в Канаде // Проблемы противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе и пути их решения в современной России: мат-лы Круглого стола с междунар. участием (г. Ростов-на-Дону, 16–17 февраля 2018 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУФ РАНХиГС. С. 305–311.
- Беляева И.М. (2023). Направления правового регулирования противодействия коррупции // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Т. 23. № 2. DOI: 10.14529/Law230201
- Бойко А.П. (2017). Организация борьбы с коррупцией в США как инструмент обеспечения экономической безопасности // Экономика и бизнес: теория и практика. № 8. С. 19–23.
- Бурмакин В.М. (2019). Проблема формирования антикоррупционных мер в философской ретроспективе (Платон и Аристотель) // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. № 3. С. 18–24. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-18-24
- Воронцов С.А., Понеделков А.В. (2020). Противодействие коррупции: репрессии или цифровизация? // Власть. № 5. С. 124–131.
- Карпова М.К., Дозорова К.Д. (2018). Исследование ключевых проблем построения взаимодействия регионального бизнеса с органами власти // Наука. Общество. Государство. Т. 6. № 2 (22). С. 164–171.
- Китова Д.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А., Юревич А.В. (2017). Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. Т. 2. № 3 (7). С. 7–38.
- Коваль П.Г. (2023). Механизмы противодействия коррупции в системе высшего образования // Плехановский барометр. № 2 (34). С. 12–25.
- Митина Д.А., Николаева Ю.В. (2020). Некоторые подходы к повышению эффективности противодействия коррупции: опыт России и зарубежных стран // Образование и право. № 8. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10833
- Нестик Т.А. (2008). Коррупция и культура // Следователь. № 5. С. 47–52.
- Овчинников А.И. (2019). Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. № 11. С. 158–170.
- Пустовит Р.В. (2017). Виды коррупции // Вестник Омского университета. Сер.: Право. № 1 (50). С. 204–205.
- Скинер К. (2009). Макиавелли. Очень краткое введение. Москва: Астрель. 156 с.

- Соломеин А.Ю., Соломеина Л.А. (2017). Философское осмысление феномена коррупции // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 3 (63). С. 125–129.
- Сосновская Л.Р. (2023). Институциональные особенности российской системы антикоррупционного мониторинга // Юридическая наука. № 4. С. 45–49.
- Усманова О.Л. Особенности субъекта коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 1. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-1-84-93
- Цирин А.М. (2016). Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. № 12 (240). С. 106–115.
- Чечуров А.В. (2010). Коррупция: историко-философская ретроспектива // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 2 (12). С. 158–163.
- Шумских Ю.Л. (2021). Об эффективности ужесточения ответственности за коррупционные преступления // Юридическая наука и практика. № 2 (56). С. 83–90.
- Шунаев А.М. (2018). Опыт борьбы с коррупцией в Южной Корее и Сингапуре // Управленческое консультирование. № 3. С. 65–70. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-3-65-71
- Andvig J. (1991). The economics of corruption: A survey. *Studi economici*, 46 (43).
- Gorsira M., Steg L., Denkers A., Huisman W. (2018). Corruption in organizations: Ethical climate and individual motives. *Administrative Sciences, MDPI, Open Access Journal*, 8 (1), 1–19.
- Klitgaard R. (1988). *Controlling Corruption*. University of California press.
- Klitgaard R. (1991). *Adjusting to Reality: Beyond «State Versus Market» in Economic Development*. San Francisco: ICS Press.
- Mohamed Nasir K., Turner B.S. (2013). Governing as gardening: Reflections on soft authoritarianism in Singapore. *Citizenship Studies*, 17 (3–4), 339–352.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Руслан Ряфатович Агишев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, д. 39а; e-mail: agishev2019@gmail.com)

Ирина Владимировна Манаева – научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, д. 39а; e-mail: manaeva.i.v@mail.ru)

Agishev R.R., Manaeva I.V.

BUSINESS COMMUNITY ON ANTI-CORRUPTION: DILEMMA BETWEEN PREVENTION AND REPRESSION

Determining the most effective method of combating corruption remains an important part of the anti-corruption discourse. Shifting the focus from repressive to preventive measures and vice versa can fundamentally change the direction and content of anti-corruption policy. The research aims to analyze entrepreneurs' subjective perception of the effectiveness of anti-corruption measures (repressive and preventive) in the regional context. The scientific novelty of the work is due to a large sample of regional studies analyzed, which increases the objectivity of conclusions in the framework of assessing the effectiveness of anti-corruption measures. We carried out an aggregate analysis of the results of sociological surveys (2021–2022) among the entrepreneurial community in 12

Russia's constitute entities, selected randomly from regions with different administrative-territorial structure (region, republic, territory and autonomous district) and economic development level (high, medium and low levels). We did not note any significant differences in the assessment of the effectiveness of preventive and repressive measures, which were mentioned by entrepreneurs in approximately equal frequency. The equal importance of methods aimed at preventing corruption, on the one hand, and combating its effects, on the other hand, can be traced across the entire sample of regions regardless of their administrative-territorial structure and economic status, which suggests the formation of a common view of the content of anti-corruption policy. The most popular are such "opposite" methods as toughening of punishment for corruption offenses and simplification of management processes. The latter indicates two important points for the anti-corruption policy of the authorities. First, business environment is quite strong in its demand to intensify the fight against corruption, which to a greater or lesser extent indicates dissatisfaction with the results of the relevant efforts of the authorities. Second, the special attention of business community to the simplification of management processes (in particular, transparency and de-bureaucratization) fully confirms the high efficiency of the course for the wide introduction of digital technologies in the practice of interaction between authorities and a citizen. The research results allow talking about the development of comprehensive anti-corruption mechanisms that would include the whole range of methods – both repressive and preventive.

Corruption, entrepreneurship, anti-corruption, preventive methods, repressive methods.

REFERENCES

- Aksenova A.V. (2017). Countering corruption in Russia: Repression or prevention. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal*, 4, 187–190 (in Russian).
- Aleksandrov V.I. (2011). Formation of anti-corruption structure in Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2, 39–51 (in Russian).
- Andvig J. (1991). The economics of corruption: A survey. *Studi economici*, 46(43).
- Antonova E.YU., Lutsenko N.S. (2023). On the effectiveness of anti-corruption legislation. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yurid. in-ta MVD Rossii im. V.V. Luk'yanova*, 1(94), 96–104 (in Russian).
- Artamonova YU.D., Demchuk A.L. (2018). Current experience of countering corruption in Canada. In: *Problemy protivodeistviya korruptsii na gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhbe i puti ikh resheniya v sovremennoi Rossii: mat-ly Kruglogo stola s mezhdunar. uchastiem (g. Rostov-na-Donu, 16–17 fevralya 2018 g.)* [Problems of Combating Corruption in Public and Municipal Service and Ways to Solve Them in Contemporary Russia: Proceedings of the Round Table with International Participation (Rostov-on-Don, February 16–17, 2018)]. Rostov-on-Don: Izd-vo YURIUF RANKhIGs (in Russian).
- Belyaeva I.M. (2023). Directions of anti-corruption legal regulation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta=Bulletin of the South Ural State University*, 23(2). DOI: 10.14529/law230201 (in Russian).
- Boiko A.P. (2017). Organization of the fight against corruption in the USA as a tool to ensure economic security. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 8, 19–23 (in Russian).
- Burmakin V.M. (2019). The problem of forming anti-corruption measures in philosophical retrospective (Plato and Aristotle). *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Filosofskie nauki*, 3, 18–24. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-18-24 (in Russian).
- Chechurov A.V. (2010). Corruption: Historical philosophical retrospection. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*, 2(12), 158–163 (in Russian).
- Gorsira M., Steg L., Denkers A., Huisman W. (2018). Corruption in organizations: Ethical climate and individual motives. *Administrative Sciences, MDPI, Open Access Journal*, 8(1), 1–19.
- Karpova M.K., Dozorova K.D. (2018). The study of the key problems of constructing a regional business interaction with government authorities. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo=Science. Society. State*, 6, 2(22), 164–171 (in Russian).
- Kitova D.A., Zhuravlev A.L., Sosnin V.A., Yurevich A.V. (2017). Corruption as an object of socio-psychological research: Status and prospects. *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2, 3(7), 7–38 (in Russian).

- Klitgaard R. (1988). *Controlling Corruption*. University of California press.
- Klitgaard R. (1991). *Adjusting to Reality: Beyond "State Versus Market" in Economic Development*. San Francisco: ICS Press.
- Koval' P.G. (2023). Mechanisms for combating corruption in the higher education system. *Plekhanovskii barometr*, 2(34), 12–25 (in Russian).
- Mitina D.A., Nikolaeva Yu.V. (2020). Some efficiency approaches countering corruption: Experience of Russian and foreign countries. *Obrazovanie i pravo*, 8. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10833 (in Russian).
- Mohamed Nasir K., Turner B.S. (2013). Governing as gardening: Reflections on soft authoritarianism in Singapore. *Citizenship Studies*, 17(3–4), 339–352.
- Nestik T.A. (2008). Corruption and culture. *Sledovatel'*, 5, 47–52 (in Russian).
- Ovchinnikov A.I. (2019). Anti-corruption in the context of digitalization: Opportunities, prospects, risks. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 11, 158–170 (in Russian).
- Pustovit R.V. (2017). Types of corruption. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo*, 1(50), 204–205 (in Russian).
- Shumskih Yu.L. (2021). On the effectiveness of strengthening criminal liability for corruption. *Yuridicheskaya nauka i praktika=Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2(56), 83–90 (in Russian).
- Shunaev A.M. (2018). The experience of combating in South Korea and Singapore. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie=Administrative Consulting*, 3, 65–70. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-3-65-71 (in Russian).
- Skinner Q. (2009). *Machiavelli. Ochen' kratkoe vvedenie* [Machiavelli: A Very Short Introduction]. Moscow: Astrel'.
- Solomein A.Yu., Solomeina L.A. (2017). Philosophical understanding of the phenomenon of corruption. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 3(63), 125–129 (in Russian).
- Sosnovskaya L.R. (2023). Institutional features of the Russian system of anti-corruption monitoring. *Yuridicheskaya nauka*, 4, 45–49 (in Russian).
- Tsirin A.M. (2016). Prevention of corruption: Problems and perspectives. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 12(240), 106–115 (in Russian).
- Usmanova O.L. (2023). Features of the subject of corruption crimes in the field of healthcare. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 1. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-1-84-93 (in Russian).
- Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. (2020). The counteraction to corruption: Either the repression or digitalization? *Vlast'*, 5, 124–131 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ruslan R. Agishev – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Research Center for Socio-Economic Monitoring (39A, Bogdan Khmel'nitsky Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: agishev2019@gmail.com)

Irina V. Manaeva – Researcher, Research Center for Socio-Economic Monitoring (39A, Bogdan Khmel'nitsky Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: manaeva.i.v@mail.ru)